

Анастасия Зиневич

«Нас учили в третьем классе...»

Не едите, кошки, мяса!

нас учили в третьем классе
что не нужно есть нам мяса
мы читали, мы учили
очень вреден перец чили
мы пшеницу замочили
есть ее ужасный труд
молоко мы исключили
и сметану не дают

1. Кошка-буддистка

Это подлинная история, которая произошла с одной моей знакомой кошкой. Однажды, греясь в кресле у камина, она перелистывала книжку. Книга была по буддизму. Срединный путь оказался ей близок своим спокойствием и невозмутимостью. Да и где как не в Nirване проводила она большую часть дня, сладко подремывая? Так что и техниками медитации она овладела сходу. Но тут она дошла до раздела про карму. «Колесо Сансары... все крутится оно, да вертится, – подумала кошка. – Вот я умру, и что со мной будет?» Внезапное озарение пронзило ее как молния: «За то, что я ела мясо, я обречена на вечное перерождение! Но в кого, в кого же я перевоплощусь? В мышшь! А когда буду съедена, в кого перевоплощусь потом? В кошку! А потом... в мышшь! А потом... в кошку! Кошка-мышшь, мышшь-кошка, кошки-мышки, мышки-кошки!»

...С тех пор кошку будто подменили. Она не могла найти себе места: то бросалась на невидимое нечто, то сама пряталась под кроватью. Диагноза поставили два, и оба неутешительные: философская интоксикация и вегето-сосудистая дистония. Так кошка стала буддисткой.

2. Кошка-вегетарианка

Одна толстая кошка, загорая в шезлонге, вяло перелистывала книжку. Совершенно случайно книга оказалась по сыроедению. Внезапно узкий кошачий зрачок расширился: «Все это время я убивала себя и своих детей! Мы не созданы для того, чтобы есть мясо, наш желудочно-кишечный тракт не предназначен для его переваривания! И молоко тоже – специальные энзимы для его переваривания вырабатываются у нас только до трехмесячного возраста! А организм тратит так много времени и энергии на переваривание мяса... бедный организм!». В частности, в книжке приводился убедительный пример того, как одна кошка сошла с ума оттого, что ела мясо. Решено – в доме больше ничего мясного и молочного – только свежие фрукты и овощи.

Муж-кот сначала поморщился, но потом воспринял новую идею благосклонно. Уже давно он смотрел на свою жену-кошку с полным равнодушием. И дело было не в его возрасте – а в формах его жены. С большим трудом можно было назвать их округлыми. Это был огромный жирный мячик, еле передвигавшийся на тонких лапках. И если жена решила отказаться от мяса, то ведь первое, что произойдет, – она... похудеет!

И в его глазах вдруг замелькали яркие воспоминания: молодой и красивый, он гонится за своей кошечкой по прериям соседского двора. Вот она взлетает на дерево. Он загоняет ее на самую верхнюю тоненькую ветку: теперь ей не уйти! И лапы у нее заняты – она обхватила ими ветку, чтобы не упасть. И вот он, гордый царь зверей, с риском для жизни приближается к ней... Эх, было же время! А последние годы не жизнь, а болото...

И он дал добро на революцию в ежедневном семейном рационе.

Прошло две недели, а обещанного в книге привыкания к овощам не возникло. Все нутро ныло и умоляло о белках. Что же до иных желаний – они просто исчезли! Несмотря на похорошевшую фигуру жены.

И вот все члены кошачьего семейства собрались за обеденным столом. Мать гордо выложила на блюдо салат из яблок и морковки. Все притихли, потупив покорные взоры.

И тут с той стороны, где сидел самый младший, послышалось тоненькое: «мя».

– Мя. Маяяю. Маяяяю-со!

– Маяяяяусооо! – закричали уже все хором. И даже кот-папа не выдержал и заорал благим матом:

– МЯУСО!

И все бросились искать мясо – кто на улицу, кто в подвал.

...Через полчаса на столе под носом у рыдающей мамыши появились две полуживых мыши. «Фууу!» – сказала она с отвращением. Но, подумав, их съела. Сырыми.

Ночью из спальни родителей до котят донеслось никогда ими не слыханное страстное мурлыканье.

Ик

Однажды на Михаила напал большой Ик. В это время он как раз изъяснялся в любви Кате, попутно думая, как бы после встречи с ней успеть повести в кино Машу, и чтоб они при этом не пересеклись.

– Так как, сегодня вечером? – хотел спросить он, но вместо этого вышло: – Так, Ик? Так, Ик? Прости, я не могу говорить!

Михаил кинул трубку и побежал на кухню глотнуть воды. Вроде отпустило. «Эх, пойду прилягу, спину что-то ломит...» – подумал он. И только прилег – опять: Ик! Теперь Ик не отпускал даже с литром воды. Миша мыкался, мыкался, пока не закричал: «Мамочка! Что ж это такое!». И Ик на миг прекратился. Но тут же пошел снова.

– Мамма мия! – опять взмолился Миша, и Ик опять прошел.

– Ма-ма... – стал шептать герой и прислушиваться. На слово *ма* Ик, как ни странно, проходил. – Так вот кто меня вспоминает!

И правда – не звонил уже две недели. Надо поговорить. В этот раз Ик ничему не мешал. Но когда Михаил сказал: – Мама, я уже 5 лет как живу один, не мучьте меня больше вашей заботой, – тихий Ик снова подкрался к горлу.

– Простите, мама – я просто устал, – пробормотал Михаил, испуганно прислушиваясь к своему нутру.

К вечеру легче не стало – только включишь телевизор – Ик! Только сядешь за видеоигру – Ик! Только позвонит Катя или Маша – Ик! Но в кино он все-таки пошел. Свет потух – Ик! «Милый, поцелуй меня», – Ик! Промучившись весь сеанс, они вышли на воздух.

– Ну как, Ик! Встречаемся, Ик, послезавтра, Ик?! – пробормотал, краснея, Михаил.

– Знаешь, я буду занята у парикмахера. Да и вообще, ты все время... икаешь.

Так Михаил остался совсем один. Тогда он принялся утешать себя едой. Но тут случилось страшное – пришел большой Пук!

Ну, тут уж Михаил пошел в разнос, стал заливать нутро водкой.

– Ик, Пук! – безостановочно раздавалось внутри. Ничего не помогало. Михаил не спал, мучился. И пошел на следующий день к старому терапевту.

– П-п-по-слушай, – сказал ему дрожащим голосом тот. – М-м-не 60 лет. У меня тоже все т-так начиналось, вначале Ик, потом Пук. Но я не прислушивался к ним. И вот теперь у меня Тик!..

– Что же мне делать?

– Ик и Пук – твое внутреннее чувство верного. Они подсказывают тебе, что ты делаешь не так. Прислушивайся к своему внутреннему чувству – и все будет хорошо.

– Но вы же врач, почему вы сами, зная все это, не вылечили себя?

– Позади меня множество обманутых женщин, брошенная рукопись – а главное, я не должен был становиться врачом. Эх, как я играл, как играл... А теперь уж ничего не поправишь, молодой ч-человек!

